

Д.О. Никулин*

**АДАПТАЦИЯ КОМБАТАНТОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К ТЫЛОВОЙ ЖИЗНИ
В ОМСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В 1915–1922 ГОДАХ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-1
УДК 94(57)“1915/22”:355.018

Выходные данные для цитирования:
Никулин Д.О. Адаптация комбатантов Первой мировой войны к тыловой жизни в Омском военном округе в 1915–1922 годах // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-01.pdf>

D.O. Nikulin*

**ADAPTATION OF COMBATANTS
OF THE FIRST WORLD WAR TO THE REAR LIFE
IN THE OMSK MILITARY DISTRICT IN 1915–1922****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-1

How to cite:
Nikulin D.O. Adaptation of Combatants of the First World War to the Rear Life in the Omsk Military District in 1915–1922 // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 11–21. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-01.pdf>]

Abstract. On the 110th anniversary of the First World War, the topic of the return of its veterans to the rear regions of the country is especially relevant – both during the war and after. In the course of recent geopolitical challenges, Russia resorted to limited mobilization, which happened in combination with capitalism for the first time since the First World War. The article identifies a number of situations that combatants faced upon returning from the front, as well as several variations of the attitude they faced from civilians and officials. The author concludes that combatants could find themselves in two different situations: having returned during the war and remaining in the ranks of the army, they entered service in depot regiments, where their advanced military experience was included into the program for training reinforcements. If a combatant returned after the February Revolution however, then he most likely entered service in the newly formed militia or went to work at fields in the countryside, for which evacuated veterans had preference. Some veterans took part in the political struggle. After both the First World War and the Russian Civil War, former combatants gained greater freedom of action, but they had to re-adapt to civilian life. The attitudes towards veterans were ambivalent. On the one hand, while the war was going on, the current government and entrepreneurs provided assistance to those who suffered most from the war, among whom, along with refugees, were the wounded and disabled veterans. On the other hand, the stories the veterans shared with their neighbors were inconvenient for the government, since they contradicted the official propaganda. At the same time, ordinary people listened to veterans and respected their opinion. After the war, due to its outcome and the peculiarities of the Civil War, veterans lost the appreciation of their fellows, which particularly affected the Cossacks. The Soviet government, which came to power after the Civil War, paid little attention to the veterans' participation in the First World War, preferring to judge them according to their role in the Civil War.

Keywords: combatants, World War I, Omsk Military District, rear, adaptation to peacetime, rehabilitation.

* **Даниил Олегович Никулин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikdanya@mail.ru

Daniil Olegovich Nikulin, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikdanya@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment “Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 19.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В 110-летнюю годовщину Первой мировой войны особенно актуальна тема возвращения ее ветеранов в тыл – как еще во время, так и после нее и Гражданской войны. В ходе последних геополитических вызовов Россия прибегла к ограниченной мобилизации, и вкуче с капиталистическим строем в нашей стране это произошло впервые со времен Первой мировой войны. В статье выявляется ряд ситуаций, с которыми комбатанты сталкивались по возвращении с фронта, а также несколько вариаций отношения, с которым их встречали обыватели и официальные лица. Автор приходит к выводу, что комбатанты могли оказаться в двух различных ситуациях: если они возвращались во время войны и оставались в рядах армии, то поступали на службу в запасные полки, где их передовой военный опыт внедрялся в программу подготовки пополнения; если возвращение комбатанта имело место после Февральской революции, то он с большой вероятностью поступал на службу в новообразованную милицию либо на полевые работы, при отправлении на которые эвакуированные ветераны имели преференции. Часть ветеранов принимала участие в политической борьбе. После обеих войн бывшие комбатанты получали большую свободу действий, но им приходилось заново приспосабливаться к мирной жизни. Отношение к ветеранам было двойственным. С одной стороны, пока война продолжалась, действующая власть и предприниматели оказывали помощь наиболее пострадавшим от войны лицам, среди которых наряду с беженцами были раненые и инвалиды. С другой стороны, для нее неудобны были рассказы фронтовиков, которыми они делились с односельчанами, так как они противоречили официальной пропаганде. В то же время простые обыватели прислушивались к ветеранам. После войны, в связи с ее итогом и особенностями Гражданской войны, ветераны потеряли понимание односельчан, что в особенности коснулось казаков, в то время как советская власть намного большее внимание обращала на роль ветеранов в Гражданской войне.

Ключевые слова: комбатанты, Первая мировая война, Омский военный округ, тыл, адаптация к мирному времени, реабилитация.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024 г.

Изучение проблематики истории Первой мировой войны переживает сегодня своего рода ренессанс. Новый толчок получило изучение целого ряда различных ее аспектов, таких как региональная история, вопросы дезертирства, экономики и внутренней политики, процессов Февральской революции. Сегодня среди тем, привлекающих внимание, стоит и вопрос социального положения комбатантов, возвращавшихся в тыл. В условиях современных геополитических вызовов нашей стране пришлось вновь прибегнуть к мобилизации, хотя и ограниченной. Мобилизация, как правило, создает численно значительную социальную группу ветеранов, которые после окончания конфликта вынуждены будут вновь адаптироваться к мирной жизни. Исторический опыт показывает, что это может привести к возникновению феномена «потерянного поколения», комбатантов, испытывающих разнообразные психологические и другие сложности. В этой связи опыт Первой мировой войны как одного из ярких примеров военного конфликта, создавшего «потерянное поколение», представляет значительный интерес. Социально-политические механизмы, применявшиеся в то время по отношению к возвращавшимся с фронта комбатантам, как демобилизовавшимся, так и остававшимся в армии, могут стать показательным примером как позитивного, так и негативного опыта работы с бывшими участниками боевых действий.

Судьба фронтовиков Первой мировой войны ранее неоднократно становилась предметом исторического исследования. Непосредственно «поколенческий» подход к проблеме представлен в работах Д.А. Сафонова и О.В. Заславской. Д.А. Сафонов, рассматривая послевоенное социальное положение фронтовиков, отмечал, что «фронтовики Первой мировой войны действительно являются поколением (субпоколением “поколения революционного перелома”) с особой судьбой и особым, только ими полученным социальным опытом. Определяющим в их представлениях было... желание как-то компенсировать потерянные годы»¹. О.В. Заславская вслед за цитируемым ею К. Маннгеймом указывает, что каждое поколение имеет некий определенный отпечаток – реакцию на социально-политические события своего времени, подчеркивает социальную составляющую поколения. Классическими являются труды Е.С. Сеньявской о психологии комбатантов, в которых она затрагивает, в том числе, и проблематику «потерянного поколения»². Хотя эта проблема рассматривается в контексте главным образом Великой Отечественной войны, она признает, что данный феномен характерен для любой войны.

Тому же вопросу, хотя и применительно лишь к фронтовой ситуации, посвящена статья М.Е. Разинькова³. В статье, касающейся кейса семьи Добрыниных, содержатся свидетельства послевоенного восприятия ветеранов войны членами их семей, особенностей поведения членов «потерянного поколения»⁴. В статье А.Н. Егорова, посвященной общественным настроениям в Вологодской губернии, отмечаются наблюдения властей за тем, как прибывшие с фронта комбатанты распространяли среди крестьян свой нарратив, не совпадающий с позицией официальной пропаганды⁵. С точки зрения компаративистики представляют интерес и работы, написанные о ветеранах боевых действий других стран-участниц – Австро-Венгрии⁶, Германии⁷, Великобритании⁸. Мерам властей по поддержке населения, пострадавшего от войны, принятым в год войны, посвящены работы К.В. Фроловой и Ю.О. Хоршевой⁹. Вопросы заработка ветеранов войны коснулся в своей статье В.В. Канищев¹⁰.

Таким образом, в историографии в определенной мере изучена поддержка комбатантов властями по возвращении их с фронта и психологическое воздействие на них войны, но недостаточно изученным остается вопрос о тех ветеранах, кто по возвращении с фронта оставался в армии, и о том применении, которое армия для таких ветеранов находила, в особенности после Февральской революции, несмотря на то, что постановка перед ветеранами из числа «потерянного поколения» новых задач в тылу, пусть еще и в рядах армии, – то, что могло бы смягчить и упростить их реинтеграцию в социум. В настоящем исследовании будут выявлены основные роли и задачи, которые брали на себя ветераны,

¹ Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 130.

² Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

³ Разиньков М.Е. Психологические ресурсы комбатантов: по материалам «долгой войны» в России (1914–1922 гг.). Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 53–58.

⁴ Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка: атрибуция портрета и фотографий из семейного архива Добрыниных // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 198–204.

⁵ Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. № 4. С. 7–25.

⁶ Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги / Steps. 2018. № 2. С. 166–203.

⁷ Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. № 1 (23). С. 7–19.

⁸ Снигирев С.А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник НАСА. 2020. № 1 (16). С. 153–163.

⁹ Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96; Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 104–114.

¹⁰ Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 24–31.

а также различное отношение социума и государственного аппарата, с которым им приходилось сталкиваться при попытках реинтеграции. В качестве источников выступают материалы Государственных архивов Новосибирской, Омской и Томской областей, мемуары участников войны¹¹ и прочие опубликованные источники¹².

Изначально многие ветераны возвращались с фронта, когда война еще шла, а они не были демобилизованы. Если беженцы могли устроиться на гражданские профессии (рабочие предприятия, полевые работы, а также испытывавшие сложности с трудоустройством педагоги, конторщики, бухгалтеры, кассирши)¹³, то ветераны сперва не имели таких возможностей, как позже, когда некоторые из них подрабатывали учителями¹⁴. Зачастую они оставались прикрепленными к армии и должны были найти возможности для существования. Ввиду специфики армии зачастую это делалось за них командованием. Например, эвакуированные с фронта офицеры могли претендовать на занятие определенных должностей в запасных батальонах, в которых их боевой опыт был очень кстати ввиду стремительно менявшегося в Первую мировую облика войны. Так, командиром 4-го батальона 38-го Сибирского стрелкового запасного полка являлся штабс-капитан Шах-Будагов, который, впрочем, не посещал свой батальон три недели, за что получил семь суток гауптвахты¹⁵.

Пользуясь своим пребыванием в сибирском тылу, фронтовики проходили своеобразное «повышение квалификации», чтобы стать вольноопределяющимися и улучшить свое положение. К примеру, таким образом поступил П.А. Боуколовский – дворянин Томской губернии и унтер-офицер 33-го пехотного Елецкого полка. Он принадлежал к призыву 1917 г., был призван досрочно, ранен и уволен из лазарета на поправку. Написанная им 28 августа 1916 г. экзаменационная работа по русскому языку, являющаяся частью испытания на звание вольноопределяющегося 2-го разряда, была сочинением на тему «Первые дни моей службы в казарме». В этом тексте он писал, что «все это казалось прежде трудным, но вскоре все свыклось, привыкли ко всему. Через несколько времени были уже пригодные и на позицию, где долг быть каждого солдата»¹⁶. Таким образом, даже успев повоевать и получить ранение, Боуколовский не потерял своего патриотизма, по крайней мере на людях.

Но не только дворяне имели возможность продвинуться дальше по карьерной лестнице, находясь в тылу. Указанной выше возможностью воспользовался и крестьянин из Каинского уезда П.М. Некрасов, прошедший тот же путь, что и Боуколовский, и написавший сочинение на ту же тему на тех же основаниях¹⁷.

В европейской части страны для фронтовиков нашлась работа, связанная с политическими событиями. Так это описывает вольноопределяющийся Арамилев: «Был в казарме представитель Петросовета. Записывал желающих – из окончивших учебную команду – обучать военному делу организующиеся на заводах отряды Красной гвардии. Я записался. Работаю уже месяц. Занимаемся три раза в неделю по вечерам. В воскресенье – сверх программы – четыре часа. <...> Сегодня по окончании занятий на заводском дворе ко мне подошел один из моих учеников, фрезеровщик Кондрашов, и, краснея, путаясь в словах, сунул мне в руку двадцать рублей»¹⁸.

Но и в Сибири политические события дали ветеранам новые возможности реализовать себя. В ходе замены полиции на милицию в результате Февральской революции именно солдаты, многие из которых были эвакуированными ветеранами, стали наиболее активно

¹¹ Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). М., 1930; Степной Н.А. Записки ополченца. Пг., 1917; Чернышев С.В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 17–52.

¹² Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сб. док-тов и мат-лов. Томск, 2015. Т. 1.

¹³ Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 82.

¹⁴ Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 29.

¹⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 28. Л. 127.

¹⁶ Там же. Ф. Д-157. Оп. 1. Д. 61. Л. 55–55 об.

¹⁷ Там же. Д. 64. Л. 29–29 об.

¹⁸ Арамилев В. В дыму войны... С. 300.

привлекаемым контингентом (табл. 1). Так, уже 10 апреля начальник милиции Томского временного комитета общественного порядка и безопасности просил у исполкома Совета солдатских депутатов, а также командиров Сибирских стрелковых запасных полков выделить солдат для милиции¹⁹.

Таблица 1

Статус воинской обязанности старших и младших милиционеров Томской губернии

	Кузнецкий уезд	Боготольский уезд	Городская милиция Новониколаевска	Кольвань	Мариинск
Воинская обязанность старших милиционеров	Все из отставных солдат	Все они – солдаты в отпусках	Десять военнообязанных	Воинскую повинность отбыл, ему 53 года	Все в отпуске или уволенные вовсе от службы
Воинская обязанность младших милиционеров	Из воинских чинов, пользовавшихся по болезни временными отпусками	–	Военнообязанные, уволены из частей для службы в милиции, на учете воинских начальников	Десять военнообязанных с отсрочкой	Все в отпуске или уволенные вовсе от службы

Но не всегда трудоустройство происходило гладко. К примеру, в Кузнецке, согласно сведениям местного уездного исполнительного комитета от 8 июня, раненые солдаты подавали прошения на поступление в милицию, но получали отказ, так как либо были слабы физически, либо должны были скоро отправляться в войска. Таких насчитывалось пять человек, из них трое – из 22-го Сибирского стрелкового запасного полка, двое – из 50-го Сибирского стрелкового полка²⁰. 9 августа Томский губернский исполнительный комитет сообщил нижестоящим комитетам, что военное руководство готово делиться с милицией только ранеными (в случае ГУГШ), годными к нестроевой службе, а также трижды ранеными и отравленными газами²¹. 28 июля 1917 г. гарнизонный комитет настаивал на замене здоровых военных милиционеров ранеными, писмоводителей же набирать из числа гражданских²². 20 сентября 1917 г. ставший вскоре начальником Генерального штаба генерал В.В. Марушевский в телеграмме приказал отправлять в милицию лучших солдат²³, но 21 сентября губернским комитетам было разрешено командировать в городские и земские самоуправления лишь раненых, контуженых и отравленных газами военнослужащих. Бывших военнослужащих, кто плохо проявил себя на службе в милиции, следовало возвращать в части. Во время службы все они находились на учете местных уездных воинских начальников²⁴.

Значительную часть вернувшихся в тыл еще в военное время солдат представляли раненые, выписанные из госпиталей, частично ставшие инвалидами. Для того чтобы оказать им помощь, были созданы различные государственные организации. Они тем не менее не всегда оперативно предоставляли необходимую помощь из-за длительного согласования ссуд, кредитов и объема пайка²⁵. В этих условиях Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам и Всероссийским союзом городов были созданы негосударственные земские организации, которые работали более оперативно. Раненым предоставляли не только материальную помощь, но также помогали адаптироваться к мирной жизни, обучая их и устраивая на работу²⁶. Тем не менее и их усилий не хватало для того, чтобы

¹⁹ Когда рушились государства... С. 115.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 27. Л. 16, 18.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Л. 80.

²³ Там же. Д. 10. Л. 108.

²⁴ Там же. Л. 97.

²⁵ Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи... С. 109.

²⁶ Там же. С. 110.

помочь всем нуждающимся²⁷. Кроме того, появление в тылу инвалидов все же негативно сказалось на общественных настроениях, так как их рассказы о фронтовых реалиях значительно отличались от того, что говорила пропаганда²⁸.

Когда после Февральской революции постепенно начался роспуск личного состава на полевые работы, эвакуированные раненые оказались в числе отпусковавшихся в первую очередь военнослужащих. 16 марта Томский временный комитет общественного порядка рассматривал вопрос о роспуске на полевые работы нестроевых²⁹. Тогда он посчитал необходимым распустить на апрель и май нестроевых солдат, эвакуированных раненых, часть дружины и белобилетников призывов 1907, 1908 и 1909 гг.

20 апреля дважды раненый и единожды контуженный ефрейтор 2-й роты 34-го Сибирского стрелкового полка А.М. Креков подал прошение об отпуске его на полевые работы, несмотря на то, что, будучи с 26-й этапной командой, 10 марта почувствовал себя плохо в Киеве, обратился в местный передовой перевязочный пункт и отстал от команды, после чего уехал домой³⁰.

25 июля Совету солдатских и рабочих депутатов была представлена докладная от эвакуированного старшего унтер-офицера 516-го пехотного Мезенского полка А. Кускова, который также хотел на полевые работы. Он уже направлялся на работы осенью и теперь хотел вернуться, чтобы произвести уборку урожая. Кусков находился в составе 3-й роты 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, но его вывели из состава полка перед отправкой полка на фронт как 40-летнего, подлежащего отправке на полевые работы³¹. Пожелание Кускова было удовлетворено – он был отправлен на полевые работы до первого требования³².

30 июня в приказе по Омскому военному округу приводились разъяснения по откомандировке на полевые работы. Военнослужащие 40 лет и старше, предоставившие удостоверения о том, что они засеяли шесть или менее десятин земли или помогали родственникам, командировались в особые сельские комитеты, в районе которых располагались их хозяйства. Раненые, признанные негодными к строевой службе, также при наличии удостоверений командировались в свои сельские хозяйства³³.

4 июля от начальника штаба Омского военного округа начальнику гарнизона Томска был передан приказ командующего войсками и Военного окружного комитета кого оставлять на уборку полей: 40-летних, произведших посев, раненых и контуженных эвакуированных, негодных к несению строевой службы. Тех, кто совмещал вышеуказанные признаки, можно было оставлять на работах, даже если у них не было своего хозяйства. Продовольственные комитеты имели полномочия при условии возвращения отправлять на работы молодых солдат, не имеющих хозяйственной специализации в своей воинской части, а также солдат маршевых рот, закончивших курс подготовки кузнецов, монтеров и слесарей³⁴.

25 августа исполком Гарнизонного совета сообщил полковому комитету 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, что эвакуированные, прибывшие с фронта для замены кадра полка, могут быть отправлены на полевые работы на общих основаниях, если не заняты обучением белобилетников и имеют свои хозяйства в пределах Омского военного округа³⁵.

13 сентября командир 37-го Сибирского стрелкового запасного полка обращался к Омскому уездному комиссару с просьбой вернуть солдат призывов 1915–1919 гг.

²⁷ Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи... С. 109.

²⁸ Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии... С. 11–12.

²⁹ Когда рушились государства... С. 110.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-554. Оп. 1. Д. 1. Л. 1679.

³¹ Там же. Л. 1879.

³² Там же. Л. 1877.

³³ Там же. Ф. 520. Оп. 2. Д. 265. Л. 46.

³⁴ Там же. Ф. Р-554. Оп. 1. Д. 1. Л. 1403.

³⁵ Там же. Л. 2152.

(т.е. почти всех призванных) с полевых работ³⁶. Все солдаты, уволенные на полевые работы из 17-го, 21-го, 22-го и 23-го запасных полков, должны были незамедлительно вернуться. Срок – 3 октября. Исключение предоставлялось 40-летним, эвакуированным нестроевым, кузнецам, монтерам и слесарям³⁷. Еще одним фактором стала сложность сбора военнослужащих с полевых работ. В результате было решено отправлять на фронт лишь строевых солдат, занимающих нестроевые должности, а тыловые учреждения пополнять эвакуированными старше 40 лет. Среди других предложений была озвучена возможность отправлять солдат на полевые работы поодиночке, а также разрешить отпуска перед отправкой на фронт, так как солдаты в любом случае уходят самовольно. Против последнего предложения были приведены аргументы: во-первых, командование призвало отправлять маршевые роты по мере готовности; во-вторых, отпуска нарушили бы движение по железной дороге. Что касается отправки солдат на полевые работы по одному, то к августу из волостей стали поступать заявления с отказом от помощи солдат-одиночек³⁸.

В 1917 г. в связи с Февральской революцией ситуация обострилась и эвакуированные стали повинны не только в невыгодных власти разговорах о фронте. Так, в июле в г. Кургане солдаты местного гарнизона, среди которых, помимо прочих, были эвакуированные, грабили магазины, оскорбляя офицеров словом и действием. Были раненые и убитые. Были арестованы и избиты старший врач Студзинский и прапорщик Черепанов³⁹.

Некоторые прибывшие с фронта эвакуированные и дезертиры не желали признавать своей вины в каких-либо прегрешениях. Так, дезертировавший с фронта писарь, ветеран еще русско-японской войны, Ф.В. Трифонов по собственной просьбе должен был пройти службу в 4-м пехотном запасном полку и отправиться на фронт в составе маршевой роты, но по месту службы не явился, а бежал в 24-й Сибирский стрелковый запасный полк. В октябре он агитировал против комитета Томского лазарета, к которому прибилсь⁴⁰. В своей объяснительной Трифонов утверждал, что до отъезда в Сибирь был единственным действительно работавшим сотрудником в 97-й отдельной этапной роте 35-го тылового этапа Юго-Западного фронта, а уехал, так как, «ссылаясь на приказ бывшего военного министра Гучкова, сказал, что в тылу много проедается полезных для строя молодых людей, не исключая и себя, имевшего полных 36 лет»⁴¹. Коменданта этапа Семенова Трифонов обвинил в коррупции, заключающейся в производстве в писари неграмотных солдат, занявшихся мошенничеством. При этом он признал, что добился назначения в 4-й полк только для получения документов (потому что командир этого полка, по его словам, не принял «долгое время нового революционного строя»⁴²), после чего отправился сразу к Барнаульскому уездному воинскому начальнику.

На новом месте у Трифонова вновь начались затруднения. Просрочив 27 дней в отпуске на полевые работы, Трифонов обвинил руководство Томского лазарета в том, что оно ненавидит его за то, что он донес на растрату им лазаретного спирта и продажу лазаретного хлеба⁴³, а также в выдаче солдатам тухлого сала⁴⁴.

После окончательного возвращения домой ветераны сталкивались с непониманием односельчан, и непростая память осталась о них у потомков. Это стало результатом не только послевоенного «синдрома», но и разделения ветеранов на разные стороны в ходе Гражданской войны, что не способствовало их социальному единству. Став частью русской «долгой войны» 1914–1922 гг., они долго не могли выйти из состояния войны и не имели

³⁶ ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 150. Л. 41.

³⁷ Голос Сибири. 1917. 28 сент.

³⁸ ГАТО. Ф. 412. Оп. 2. Д. 9. Л. 400.

³⁹ Сибирская жизнь. 1917. 22 июля.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-554. Оп.1. Д. 4. Л. 1–3, 7.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Там же. Л. 9.

⁴³ Там же. Л. 14–14 об.

⁴⁴ Там же. Л. 16 об.

возможности осмыслить, ради чего сражались в Первой мировой⁴⁵. Не способствовала этому и советская власть, которая, по оценке Д.А. Сафонова, опиралась в большей степени на молодежь, чем на ветеранов войны⁴⁶. Вскоре после окончания Гражданской войны разразилась эпидемия тифа, ставшая новой угрозой людям, пережившим две войны. Так об этом вспоминал фронтовик, солдат 467-го пехотного Кинбурнского полка С.В. Чернышев: «в полк я уже не вернулся. Но тут подоспела другая беда: я заболел воспалением легких и одновременно сыпным тифом. Живым я остался только благодаря уходу... Страшно вспомнить, как зимой 1919–1920 года тиф косил людей. В Ново-Николаевске весь гужевой транспорт был мобилизован на вывозку трупов»⁴⁷.

Все это не могло не сказаться на моральном состоянии ветеранов. Так вспоминала своего тестя, ветерана Первой мировой войны, В.И. Дробынина: «...он был замкнутый очень человек, с ним было как-то некомфортно разговаривать и вообще... Никогда я не видела, чтобы он пошутил, где-то что-то рассмеялся громко, это вот не припомню. Он о Польше вспоминал, про Польшу, где воевал, и часто языком польским... нет-нет, да и скажет... выражения всякие»⁴⁸.

С особенными сложностями столкнулись представители такого консервативного социального слоя, как казачество. В статье Д.А. Сафонова приводятся воспоминания Д.Я. Лемясова: «Большая часть стариков и тех, кто не был на фронте, не давали житья казакам, вернувшимся с фронтов. Их называли предателями царя, отечества и больше всего предателями казачества... Эта нетерпимая обстановка вынуждала некоторых казаков-фронтовиков покинуть родные станицы и поселки и обитать на полулегальном положении, укрываясь от стариков в станицах»⁴⁹.

Фронтовики платили оставшемуся в тылу населению схожей монетой. Так воспринимал его безымянный ополченец, написавший опубликованные Н.А. Афиногеновым (Степным) записи: «И отъеденные жирные тела – лица встречающихся на станции господ и госпож, и господин-госпожа, раскатывающиеся в карете с благообразной улыбкой; о, как вдруг они мне становятся ненавистны, ведь я могу при счастливой случайности вернуться, приду без руки, или без ноги и буду сидеть, как сидит вон тот калека у забора с чашкой... а он, этот господин, до конца дней своих все так же будет разъезжать, ласково улыбаться и жиреть, жиреть, сжимая горло моих оставшихся братьев пухлой рукой и не давая им возможности мыслить, чтобы в будущем они не могли избежать точно такой же бойни»⁵⁰. Хотя подлинный автор текста не установлен и в нем можно подозревать про-революционную мистификацию, мысли, высказанные в этой части текста, хорошо согласуются с трудностями, испытываемыми ветеранами боевых действий. Хотя критике подчеркнута подвержен традиционный образ богача-буржуя, сам ее характер универсален: «ласковой» «благообразной» улыбке оставшегося в тылу противопоставляется безногий ветеран-калека, сидящий у забора и просящий милостыню. На наш взгляд, здесь выражается не только пресловутая классовая борьба, но и сравнение человека, прошедшего через смертельную опасность, и человека, который ничем не рисковал и для которого этой опасности не существовало.

С похожими затруднениями сталкивались ветераны Первой мировой войны в других странах. В Австро-Венгрии, которая, как и Россия, оказалась в числе проигравших, ветераны получили чувство родства, отличавшее их от гражданских членов общества; им заново пришлось выбрать себе профессию⁵¹.

В Великобритании, которая оказалась победительницей, возник конфликт между солдатами, которые хотели получить привилегии за свой вклад, и не желавшим выдавать такие

⁴⁵ Сенявская Е.С. Человек на войне... С. 24–25.

⁴⁶ Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков... С. 130.

⁴⁷ Чернышев С.В. В те времена... С. 51–52.

⁴⁸ Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка... С. 201.

⁴⁹ ОГАОО. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 958. Л. 294–295. Цит. по: Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков... С. 128.

⁵⁰ Степной Н.А. Записки ополченца... С. 24.

⁵¹ Заславская О.В. Между войной и революцией... С. 169, 190.

привилегии государством. В этих условиях различные отдельные политики и промышленники, желающие увеличить свое влияние, стали спонсировать ветеранские сообщества. Получившие психологическую травму ветераны поддавались этому влиянию, поскольку не верили, что могут в одиночку сражаться с новым «врагом» – государством⁵². Схожие процессы имели место в Германии, с той, однако, разницей, что там государство в достаточной мере заботилось о ветеранах, и сложности у них, как и у русских казаков, возникли со своими собственными согражданами – их, проигравших войну, рассматривали как проваливших традиционную мужскую гендерную роль, к полному соответствию которой они так и не смогли вернуться⁵³.

Таким образом, комбатанты, возвращаясь с фронта, оказывались в двух различных ситуациях в зависимости от момента возвращения: во время войны они зачастую оставались в армии и поступали на службу в запасные полки, занятые подготовкой пополнения. После Февральской революции они, как правило, поступали на службу в милицию либо имели льготы на отправку на полевые работы, а также принимали участие в политической борьбе. Важно отметить, что все эти возможные социальные роли они находили для себя не сами, а с тем или иным вовлечением в процесс армии. Именно она отпускала их на полевые работы (с обязательством вернуться), в рамках новых *армейских* структур – комитетов – они занимались общественной деятельностью и непосредственно к армии часто обращались новообразованные милицейские структуры в поисках кадров. Таким образом, во время суровых внешне- и внутривнутриполитических испытаний ветераны не оставались без дела и им находилось применение, что несколько замедляло их становление «потерянным поколением».

Отношение к ветеранам общества было различным. Во время войны действующая власть и деловые круги пытались, с одной стороны, помочь наиболее пострадавшим из них (раненым и инвалидам), а с другой – были недовольны тем, какими подробностями текущей войны фронтовики делились с односельчанами, которые, в свою очередь, уважали фронтовиков и с вниманием относились к их мнению, что давало им новую важную и ценимую роль, непосредственно связанную к тому же их фронтовым опытом.

После же войны (как Первой мировой, так и Гражданской) комбатанты получили большую свободу действий, но были вынуждены заново приспособливаться к мирному времени. Если для бывших крестьян это означало возвращение к привычному труду, то вчерашние офицеры осваивали новые для себя профессии, такие как преподавание. Прежний их опыт оказался не востребован. Кроме того, ветераны столкнулись с непониманием сельчан, что в особенности коснулось казаков, и с политизированностью новой власти, по понятным причинам намного большее внимание обращавшей на их роль в Гражданской войне, а не Первой мировой.

Какое-то время для ветеранов Первой мировой войны находилось дело, часто связанное с их военным опытом, они пользовались поддержкой государства и благотворительности и уважением односельчан. Лишь специфика произошедших политических событий сделала часть из них – тех, кто не снискал для себя хорошего отношения советской власти, – «потерянным поколением». Следовательно, на примере Западной Сибири в годы Первой мировой войны мы видим, что для поддержания единства социума и предотвращения появления по итогам той или иной войны социальных изгоев необходимо, во-первых, незамедлительно находить для ветеранов новое важное дело, что гораздо проще сделать, пока они еще в рядах армии. Во-вторых, важно не сталкивать их друг с другом в рамках политической борьбы, по итогам которой проигравшие могут стать *persona non grata* даже несмотря на боевые заслуги перед страной.

⁵² Снигирев С.А. Сообщества ветеранов... С. 155, 157, 162.

⁵³ Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов... С. 9–12.

Литература

Антропов Е.В., Пронин А.О. К истории 41-го Сибирского стрелкового полка: атрибуция портрета и фотографий из семейного архива Дробыниных // Баландинские чтения. 2013. № 1. С. 198–204.

Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). М.: Молодая гвардия, 1930. 390 с.

Егоров А.Н. Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. № 4. С. 7–25.

Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги / Steps. 2018. № 2. С. 166–203.

Канищев В.В. Офицеры из Центральной России – участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с запада на восток // Известия АлтГУ. 2022. № 6 (128). С. 24–31.

Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сб. док-тов и мат-лов / ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 332 с.

Лёффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. № 1 (23). С. 7–19.

Разиньков М.Е. Психологические ресурсы комбатантов: по материалам «долгой войны» в России (1914–1922 гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 53–58.

Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 117–134.

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 383 с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.

Снигирев С.А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник НАСА. 2020. № 1 (16). С. 153–163.

Степной Н.А. Записки ополченца. Пг.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, 1917. 88 с.

Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96.

Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 104–114.

Чернышев С.В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 17–52.

References

Antropov, E.V., Pronin, A.O. (2013). K istorii 41-go Sibirskogo strelkovogo polka: atributsiya portreta i fotografii iz semeynogo arkhiva Drobyninykh [On the History of the 41st Siberian Rifle Regiment: Attribution of a Portrait and Photographs from the Drobynin Family Archive]. In *Balandinskie chteniya*. No. 1, pp. 198–204.

Aramilev, V. (1930). *V dymu voyny. Zapiski vol'noopredelyayushchegosya (1914–1917 gg.)* [In the Smoke of War. Notes of a Volunteer (1914–1917)]. Moscow, Molodaya gvardiya. 390 p.

Chernyshev, S.V. (2006). V te vremena... [In Those Days...]. In *Pamyat' serdtsa. Vospominaniya novonikolaevtsev*. Novosibirsk, pp. 17–52.

Egorov, A.N. (2017). Obshchestvennye nastroyeniya naseleniya Vologodskoy gubernii nakanune Fevral'skoy revolyutsii [Public Sentiments of the Population of the Vologda Province on the Eve of the February Revolution]. In *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. No. 4, pp. 7–25.

Frolova, K.V. (2017). Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Samarskoy gubernii (1914 – nachalo 1920-kh gg.) [Refugees of the First World War in the Samara Province (1914 – Early 1920s)]. In *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. No. 5, pp. 75–96.

Kanishchev, V.V. (2022). Ofitsery iz Tsentral'noy Rossii – uchastniki Grazhdanskoj voyny na Vostochnom fronte: boevoy put' s zapada na vostok [Officers from Central Russia – Participants of the Civil War on the Eastern Front: The Battle Path from West to East]. In *Izvestiya AltGU*. No. 6 (128), pp. 24–31.

Khorsheva, Yu.O. (2021). Mekhanizm zashchity naseleniya Rossiyskoj imperii, postradavshego v gody Pervoy mirovoy voyny: otsenka effektivnosti [The Mechanism for Protecting the Population of the Russian Empire that Suffered during the First World War: Assessment of Effectiveness]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki*. No. 2 (42), pp. 104–114.

Löffelbein, N. (2015). O geroizme i stradaniyakh invalidov. Invalidy Pervoy mirovoy voyny v Veymarskoj respublike pri natsional-sotsializme [On the Heroism and Suffering of the Disabled. Disabled Persons of the First World War in the Weimar Republic under National Socialism]. In *Idei i idealy*. No. 1 (23), pp. 7–19.

Razin'kov, M.E. (2019). Psikhologicheskie resursy kombatanov: po materialam “dolgoj voyny” v Rossii (1914–1922 gg.) [Psychological Resources of Combatants: Based on the Materials of the “Long War” in Russia (1914–1922)]. In *Manuskript*. Vol. 12, Iss. 7, pp. 53–58.

Safonov, D.A. (2024). Sotsial'nyy portret frontovikov Pervoy mirovoy voyny: informatsionnye vozmozhnosti [Social Portrait of Front-Line Soldiers of the First World War: Information Capabilities]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 1 (38), pp. 117–134.

Senyavskaya, E.S. (2006). Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva [Russia's Opponents in the Wars of the 20th Century: Evolution of the “Image of the Enemy” in the Consciousness of the Army and Society]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 288 p.

Senyavskaya, E.S. (1999). Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii [Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 383 p.

Senyavskaya, E.S. (1997). Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki [Man at War. Historical and Psychological Essays]. Moscow, Institut rossiyskoj istorii RAN. 232 p.

Snigirev, S.A. (2020). Soobshchestva veteranov Pervoy mirovoy voyny v Velikobritanii: problemy institutsionalizatsii [Communities of World War I Veterans in Great Britain: Problems of Institutionalization]. In *Vestnik NASA*. No. 1 (16), pp. 153–163.

Stepnoy, N.A. (1917). Zapiski opolchentsa [Notes of a Militiaman]. Petrograd, Petrogradskiy sovet rabochikh i soldatskikh deputatov. 88 p.

Zaslavskaya, O.V. (2018). Mezhdou voynoy i revolyutsiei: transnatsional'nyy kontekst kollektivnoy biografii “poteryannogo pokoleniya” Vostochnoy Evropy [Between War and Revolution: The Transnational Context of the Collective Biography of the “Lost Generation” of Eastern Europe]. In *Shagi / Steps*. No. 2, pp. 166–203.

Zinov'ev, V.P. (Ed.), Shul'ga, T.V., Bol'shakova, A.V., Buzanova, V.A. (Comps.). (2015). *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny* [When States Collapsed: the Fate of the Siberian Province in the Context of the First World War]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Vol. 1. 332 p.